

ляют собой канал информационной связи большой «разрешающей способности», что обеспечивает целостность и организованную сложность чувственного образа.

В сложной диалектической связи выражающего (эстетически значимой формы) и выражаемого (синтетически-универсальной ценности), в их относительной независимости и глубокой взаимосвязи и заключается сущность эстетического⁵. Различные модификации эстетического такие, как прекрасное, безобразное, комическое и трагическое, возвышенное и низменное отражают различные уровни, фазы в движении противоречивой сущности эстетического. Сущностью же эстетической деятельности выступает универсальное, синтетически-целостное, высшее творчество ценностей блага и красоты, понимаемых как конкретно-историческая мера совершенства содержания и формы человеческой общественной жизнедеятельности.

Итак, эстетическая деятельность представляет собой относительно самостоятельный и специфический вид деятельности. Однако она сопоставима не со сферами, областями общественно-разделенной человеческой деятельности, а с видами ценностной ориентации жизнедеятельности человека: утилитарной, этической, идеологической, логической. Эстетической выступает всякая конкретная человеческая деятельность, если в ней удовлетворяется эстетическая потребность, осуществляется эстетическая цель, эстетический идеал, осваиваются или преобразуются, создаются эстетические ценности. Эстетическая потребность возникла в эпоху становления человеческого общества как обобщенная духовная потребность человека в целостной, совершенной и свободной жизнедеятельности и как функциональная потребность⁶ в оптимальном и полном самоосуществлении индивида как природного и общественного существа. Специфика эстетической деятельности заключается в том, что она носит синтетический по отношению к другим видам деятельности характер; представляет собой универсальную чувственно-непосредственную форму осуществления любых видов деятельности; выражает целостность ценностно-ориентированной деятельности людей. В то же время эстетическая деятельность относительно независима и даже противоположна другим видам ценностной деятельности, поскольку выражает совершенство формы всякого явления, процесса, деятельности и самоценность оптимального деятельного функционирования человеческой личности безотносительно к конкретному содержанию деятельности.

¹ См.: Большая советская энциклопедия.— М., 1978.— Т. 28.— С. 491; Философская энциклопедия.— М., 1970.— Т. 5.— С. 462—463.

² См.: Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии.— 1972.— № 12.— С. 134—140.

³ См.: Малышев И. В. Эстетическое в системе ценностей.— Ростов-н/Д, 1983.— С. 122.

⁴ См.: Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике.— Л., 1971.— С. 93.

⁵ См.: Малышев И. В. Эстетическое в системе ценностей.— С. 122.

⁶ См.: Афанасьев М. Н. Эстетика Канта.— М., 1975.— С. 65—72; Его же. Эстетические потребности человека.— М., 1979.— С. 21—27.

Л. Г. НОВИКОВА

О СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Многолетний и неуклонный — в общемировом масштабе — рост числа изданий научно-фантастической литературы, степень ее популярности среди молодежи и научно-технической интеллигенции свидетельствуют о ее возможностях оказывать существенное влияние на общественное сознание. Уже в силу этого фантастика как феномен современной культуры выходит за рамки рассмотрения только филологической науки и становится объектом пристального внимания со стороны философов и социологов. Тем более, что, несмотря на более чем полусторазовую историю развития этого вида литературы, фантаствоведение до сих пор затрудняется дать определение своему предмету, выявить его специфику и сущность взаимоотношений с наукой (пресловутая проблема «научности» научной фантастики).

На наш взгляд, причиной этого является принципиальная недостаточность литературоведческого анализа феномена научной фантастики: справедливо признавая, что эта специфика детерминирована, в первую очередь,

«пограничным» происхождением НФ — на стыке литературы и науки — литературоведение на деле ограничивается анализом лишь ее литературной составляющей. Поэтому ряд существующих определений научной фантастики — как жанра, приема, литературы мечты, литературы предвидения — не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку не охватывают всех сторон предмета. В качестве рабочего определения можно принять трактовку НФ как «нового художественного метода, органически сочетающего принципы научного и художественного мышления»¹.

Тесная связь между научно-фантастической литературой и наукой действительно существует, однако интерпретация этой связи различными авторами достаточно разноречива. Традиционно сущность ее сводится к отражению и осмыслению современной фантастикой социальных следствий ускоренного развития науки и техники. Нетрудно, однако, видеть, что при таком объяснении неизбежно утрачивается специфика научной фантастики. Ведь искусство — и в особенности художественная литература как сфера концентрированного, обобщенного социального опыта — всегда было одной из важнейших форм осмысления общественных перемен. Поэтому переломные моменты истории всегда порождали (в той или иной форме) многочисленные попытки дать целостную характеристику тенденций социального развития не только в виде теоретического знания, но и в образных, художественных моделях искусства, ибо, по мысли В. И. Ленина, «перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забегать вперед, либо отстать. Средины тут нет»². Поэтому было бы неверно утверждать, что новые социальные проблемы, порожденные научно-техническим прогрессом, отразила только научная фантастика — на них так или иначе откликнулась вся современная литература, они не составляют специфики ее научно-фантастической ветви.

Как и вся литература, научная фантастика «выступает от имени обыденного сознания и к нему апеллирует»³. Однако ее пограничное положение в системе современной культуры обуславливает и ее литературную специфику: сделав науку, научное исследование частью своего художественного объекта, НФ тем самым воссоздает — в совокупности своих произведений — некий обобщенный образ современной ей науки и «транслирует» его на уровень обыденного сознания. Причем образ этот (по крайней мере по отношению к современности) в целом неадекватен реальной науке, он фантастичен, «ненаучен». Закономерно возникает вопрос о социальном смысле подобной «трансляции», о той функциональной нагрузке, которую современная фантастика объективно выполняет по отношению к обыденному сознанию. Подчеркнем, что речь идет об отыскании такой функции НФ, которая была бы, во-первых, объективной, т. е. независимой от субъективных намерений, социальной позиции и индивидуального мастерства писателя-фантаста, и во-вторых, функции специфической, свойственной только ей одной.

К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет проследить становление функциональной специфики НФ в историческом генезисе. Отметим лишь, что, хотя первые литературные образцы, отнесенные современными исследователями к научно-фантастическим, закономерно появились в период становления естествознания Нового времени, как литературная система научная фантастика сформировалась гораздо позднее: ее «отсчет» традиционно начинают с середины XIX века, периода наивысшего развития классического естествознания. Такое совпадение, разумеется, не случайно.

Бурное развитие эмпирических наук в этот период дополнилось и усилилось внезапно ускорившимся техническим прогрессом. Начался процесс соединения науки с производством, что, в свою очередь, потребовало построения научного труда по промышленному образцу. Бурное развитие этого процесса привело к формированию новой социально-профессиональной группы — научно-технической интеллигенции, численность и влияние которой быстро росли. Именно эта группа, ощущая себя носителем научно-технического прогресса, сформировала тот «сциентизированный» тип общественного сознания, который видел в развитии науки и техники решающий фактор будущих позитивных перемен. Обособившись как социально-профессиональная группа, она нуждалась в адекватном самовыражении во всех формах, в том числе и в литературной. Такой формой ее литературного самовыражения оказалась научная фантастика, специфическая система образности и основные тематические направления которой оформи-

лись в этот период в романах Э. По, М. Шелли, Ж. Верна. Здесь — впервые в искусстве — наука становится и предметом художественного исследования, и составной частью поэтики новой литературы. Это прозорливо заметили еще братья Гонкур. «После чтения По, — писали они, — нам открылось нечто такое, чего публика, кажется, не подозревает. По — это новая литература, литература XX века, научная фантастика, вымысел, который можно доказать, как А+В. литература одновременно маниакальная и математическая... словом, это роман будущего, призванный больше описывать то, что происходит в мозгу человечества, чем то, что происходит в его сердце»⁴.

Однако целостный образ науки, представленный в романах фантастов XIX века, — это образ «малой», университетской науки: ей свойственны универсальность и недифференцированность (достаточно вспомнить жюльверновских инженеров-универсалов), ее творят ученые-одиночки в изолированных от мира лабораториях, на личные средства, и открытия, сделанные ими, остаются длительное время тайной для общества. Эта наука переживает период бурного экстенсивного развития, кумулятивного приращения знания — причем в самой динамике этого процесса авторам видится залог будущего прогресса. В целом фантастика жюльверновского типа фантастична лишь постольку, поскольку ее идеи требуют более высокой энергетики и более сложных инженерных решений. В силу этого фантастика XIX — начала XX века могла выполнять по отношению к обыденному сознанию по большей части лишь функции чисто просветительские (в совокупности научно-технических и общественных идей).

Начало XX века ознаменовалось революционными изменениями устоев классического естествознания. Не повторяя уже известных характеристик, отметим, что крушение ньютоновской и становление эйнштейновской физической картины мира, парадоксально несовпадающей с обыденным опытом, привело к тому, что в науку (и вообще в культуру) вошла идея относительности. Революция в науке принесла изменения и в формы ее организации — начался процесс созидания «большой» науки, которая, став ведущим фактором материального производства, превратилась в непосредственную производительную силу общества. Этот процесс сопровождается увеличением всех показателей научного прогресса.

Но во всем многообразии сдвигов, происшедших в науке, можно выделить общий знаменатель, определяющий в целом их направленность. Это — все более полная и непосредственная вовлеченность научного познания в жизнь современного общества. «Тотальной экспансией науки во все поры социального организма» назвал этот процесс Г. Н. Волков⁵. Соединившись не с какой-то одной стороной культуры, а со всей культурой в целом, с системой деятельности современного человека, наука приобрела универсальное значение и потому оказывает тотальное влияние на все сферы жизнедеятельности общества.

Процесс этого влияния внутренне противоречив; одно из существенных противоречий, порожденных им в обыденном сознании, можно сформулировать следующим образом. С одной стороны, научная революция начала XX века, формирование разветвленной системы «большой» науки, углубляющийся процесс дифференциации научного знания сделали науку психологически «необъятной» для обыденного сознания, способствовали тому, что у индивидуального носителя этого сознания целостный образ науки распадается на отдельные фрагменты, интерпретация которых лишена общей мировоззренческой базы и клиширована расхожими штампами фетишистского характера (во всем диапазоне эмоционального отношения — от «наука может все» до «все зло от науки»). С другой стороны, возрастание социальной функции науки, ее новая роль в обществе настоятельно требуют адекватного осмысления уже не только на уровне научно-теоретического, но и обыденного сознания, переориентации его и адаптации к новым реалиям, порожденным научно-техническим прогрессом.

Разумеется, эти два уровня общественного сознания не разделены «китайской стеной», они связаны отношениями диалектического единства, и под воздействием культуры, образования, обучения, как пишет Т. И. Ойзерман, «в него проникают научные представления, оно в известной мере интеллектуализируется»⁶. Однако как совокупность восприятий и представлений, возникающих «главным образом в результате непосредственного опыта, повседневной житейской практики»⁷, обыденное сознание отличается консервативностью, отрицанием противоречивости, метафизическим спосо-

бом мышления. А это — характеристики, противоположные тем, которые отличают современный неклассический стиль научного мышления и все научно-теоретическое сознание в целом. С этой точки зрения, современная ситуация диктует необходимость преодоления или, вернее, определенного сокращения разрыва между научно-теоретическим и обыденным уровнями сознания. Таким образом, в системе современной культуры объективно необходим механизм интеграции образа научного знания в обыденном сознании.

Вообще, интегрирующую функцию по отношению к научному знанию выполняет, как известно, философия. Однако она функционирует на уровне научно-теоретического сознания, сама являясь высшим продуктом его деятельности, — и в силу этого не может быть «приспособлена» для целей интеграции образа науки в обыденном сознании. Подобную функцию в системе современной культуры может выполнять, скорее всего, искусство (а именно — художественная литература как его наиболее массовый и демократический вид), так как только в нем диалектика общего, особенного и единичного выступает в форме образа, сохраняющего непосредственную наглядность единичного и, значит, наиболее доступного обыденному сознанию.

Рассмотрим под этим углом зрения научно-фантастическую литературу. Дух современной науки, в той или иной степени усвоенный всей современной фантастикой, соединенный со специфическим способом моделирования реальности в особом, типологизированном виде — отличительная черта НФ. На современном этапе усвоение «релятивистского», неклассического стиля научного мышления позволило ей объективно, т. е. независимо от своих литературных достоинств, социальных позиций и субъективных намерений отдельно взятых авторов, выполнять принципиально новую функцию по отношению к обыденному сознанию: функцию интеграции, воссоздания в нем целостного образа современной науки. Выполняя этот социальный заказ, научная фантастика объективно препятствует психологическому отчуждению науки от сознания современного человека, она «очеловечивает» науку, делает ее внутренним делом каждого читателя — в этом и состоит социальный смысл интегрирующей функции современной фантастики.

Научные данные, получаемые на уровне теоретического исследования, в своем «первозданном» виде мало пригодны как для воплощения в технике, так и для человека. «В свое время, — пишет в этой связи Г. Н. Волков, — наука оказалась вынужденной «достроить» специальные звенья — прикладные исследования и разработки, чтобы доводить свою продукцию до промышленного потребления. Ныне наука нуждается в соответствующей обработке знаний для личностного потребления»⁸. Одним из механизмов такого рода «обработки» на уровне обыденного сознания и выступает объективно современная фантастика — в этом заключается причина ее массового распространения и огромной популярности. Литературоведы давно отметили «парадокс читателя НФ»: с одной стороны, «ненаучность» образа науки в НФ и в среднем невысокий общий художественный уровень, с другой — основной контингент читателей НФ составляют студенты и научно-техническая интеллигенция — группа весьма подготовленная профессионально и в отношении литературы достаточно требовательная.

Однако любой специалист одновременно выступает носителем и научно-теоретического сознания (в своей профессиональной области), и обыденного сознания (за ее пределами). Поэтому, выполняя интегрирующую функцию, современная фантастика выступает важным интеллектуальным и психологическим рычагом формирования целостного образа современного научного знания. Так, отражая проблемы новейшего естествознания, НФ оперирует, например, целым набором реальных и гипотетических следствий из теории относительности. При этом обращение к наукоподобным фантастическим понятиям типа «параллельных пространств», «петли времени», «гиперпространства» с его возможностями нуль-транспортировки, «машины времени» и т. д. помогают воссоздать новую физическую картину мира в голове читателя, даже не знакомого с теорией Эйнштейна. И это не популяризация знания: о самой теории в произведениях может не говориться ни слова. Это по необходимости ненаучная реконструкция картины мира, основанная на релятивистском толковании самих понятий пространства и времени.

Итак, в процессе развития научная фантастика эволюционировала от

жюльверновской традиции просветительства к функции интеграции образа современного научного знания в обыденном сознании. При этом, рожденная на «стыке» литературы и науки, она всегда выступала своего рода «транслятором» образа науки, т. е. объективно выполняла функцию адаптации обыденного сознания к современной науке.

¹ Большая Советская Энциклопедия.— М., 1974.— С. 997.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 322.

³ Бритиков А. Ф. Пафос космизации в научной фантастике. // Современный советский роман (философские аспекты).— М., 1979.— С. 240.

⁴ Гонкуры Э. и Ж. Жармини Ласерте; Актриса; Отрывки из дневника.— Л., 1961.— С. 391—392.

⁵ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— М., 1976.— С. 171.

⁶ Ойзерман Т. И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии.— 1967.— № 4.— С. 123.

⁷ Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания.— Л., 1982.— С. 36.

⁸ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса.— С. 170.

Е. О. ПОПЕЛЬСКАЯ

ПРИНЦИП СКЕПТИЦИЗМА В ГНОСЕОЛОГИИ ДЖОРДЖА САНТАЯНЫ

Первой зрелой работой Джорджа Сантаяны по эпистемологии является книга «Скептицизм и животная вера»¹. Философ начинает изложение своей теории познания с замечания о том, что поиск истинной точки зрения на различные вопросы бытия несовместим со столкновением многочисленных мнений. Необходимо найти метод исследования, который поможет выяснить, почему люди некоторые утверждения принимают за истинные или верят в них. Сантаяна убежден, что прежде, чем поверить, человек должен иметь потребность в этой вере, а также узнать, на чем она основана, что ее постоянно поддерживает и на что она будет опираться. По его мнению, в «путанице» человеческих вер можно выделить обязательный фактор, называемый фактом, на фоне менее обязательного, именуемого предположением или интуицией. Следовательно, задача философа — «освобождение нашего интеллекта от произвольных и нежелательных заблуждений и сведение условных вер к признанию фактов»².

Сантаяна отвергает возможность необоснованного возникновения веры человека в существование очевидных фактов, считая необходимым проследить, как, посредством чего ее можно обрести. Поскольку «скептицизм есть подозрение в ошибочности фактов»³, все они должны подвергаться сомнению и проверяться.

Философ отличает сомнение в достоверности исторических фактов от сомнения в достоверности физических явлений. Поскольку люди в различные времена и в разных обстоятельствах по-разному понимают результаты «созерцания истории», а также ее «опыт», то предполагается, что сомнение в существовании достоверных фактов приобретает тотальные размеры и приводит к сомнению в существовании достоверных физических явлений. Однако Сантаяне представляется более благоразумной противоположная процедура. Она состоит в следующем: «Знание фактов, сообщаемых историей, опосредовано документами, которые являются физическими фактами, и эти документы должны быть вначале открыты и взяты на веру...»⁴. Так философ приходит к мысли о существовании материального мира и физических явлений. Однако признание этого существования не подтверждается, поскольку, по его мнению, в человеческом опыте нет ничего, что могло бы гарантировать такое существование. Даже если какой-нибудь человек будет верить в достоверность таких оснований, то это не будет верой как таковой, а всего лишь ощущением тождественности этого человека порядку накопления опыта. Акцент на субъективной непрерывности опыта перерастает в итоге в идентификацию субъективной непрерывности с ее физической основой.

В этом проявилась несостоятельность попыток философа провести идеи материализма. Позиция Сантаяны есть не что иное как солипсизм: нет доказательства существования материального мира; субъективная непрерывность опыта отождествляется с порядком его накопления. Введение понятия «опыт» уже свидетельствует о том, что философ не в состоянии решить вопрос об отношении сознания и материи. По замечанию В. И. Ленина, «слово «опыт» ... давным-давно служило для прикрытия идеалисти-